

Трибуна Молодого Ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.48

Дата поступления: 12.12.2024
рецензирования: 15.01.2025
принятия: 05.03.2025

Об установлении экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ

И. Ю. Беляев

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Аннотация: Увеличение степени наркотизации в нашей стране и мире в целом требует от Российской Федерации координации и усовершенствования мер, направленных на эффективное противодействие незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Интенсифицирующийся транснациональный характер преступности делает невозможной эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ без координации усилий заинтересованных государств на международном уровне. В статье рассматриваются подходы к установлению юрисдикции государства в отношении транснациональных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и сходных с ними веществ. С точки зрения международного права исследуются теоретико-прикладные подходы к определению юрисдикции. Автором рассматривается нормативный материал охранительных конвенций ООН в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и международной практики правоприменения, а также анализируются два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстерриториальной юрисдикции.

Ключевые слова: международное право; международное уголовное право; соотношение международного и национального права; экстерриториальная юрисдикция; состав преступлений международного характера; транснациональные преступления; преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и сходных с ними веществ; международные наркопреступления.

Цитирование. Беляев И. Ю. Об установлении экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета *Juridical Journal of Samara University*. 2025. Т. 11, № 1. С. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Беляев И. Ю., 2025

Иван Юрьевич Беляев – ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.12.2024
Revised: 15.01.2025
Accepted: 05.03.2025

On the issue of establishing extraterritorial jurisdiction over transnational crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and similar substances: international and legal analysis

I. Yu. Belyaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: ivanbeliaef@yandex.ru

Abstract: The increasing level of drug addiction in the world community requires the Russian Federation to coordinate measures aimed at combating the illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances. The intensifying transnational

nature of crime makes it impossible to effectively combat the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances without coordinating the efforts of interested states at the international level. The article considers approaches to establishing state jurisdiction over transnational crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances. Doctrinal approaches to determining jurisdiction are considered and an analysis of international practice of applying these approaches is provided. The author examines the normative material of the UN protective conventions in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances and the practice of law enforcement, and also analyzes two conflicting approaches of continental and common law countries regarding the application of the obligation *aut dedere aut judicare* when establishing extraterritorial jurisdiction.

Key words: international law; international criminal law; relationship between international and Russian law; international drug crimes; transnational crimes; elements of crimes of an international nature; crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and similar substances.

Citation. Belyaev I. Yu. *Ob ustanovlenii ekstrritorial'noi yurisdiksiy v otnoshenii transnatsional'nykh narkoprestuplenii: mezhdunarodno-pravovoi analiz* [On the issue of establishing extraterritorial jurisdiction over transnational crimes in the sphere of illegal trafficking in narcotic drugs and similar substances: international and legal analysis]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2025, vol. 11, no. 1, pp. 73–80. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-1-73-80> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Belyaev I. Yu., 2025

Ivan Yu. Belyaev – assistant lecturer at the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ продолжает оставаться одним из важнейших направлений международного сотрудничества. После нескольких лет относительной стабилизации количество новых психоактивных веществ на мировом рынке выросло в 2021 г. Из 618 запрещенных веществ, доступных на мировом рынке в 2021 г., 87 были впервые идентифицированы [1]. Цифровая революция привела к появлению новых способов продажи и покупки наркотических средств, значительно сокращая издержки поставки и увеличивая доступность. Распространение новых средств коммуникации, включая цифровые площадки для незаконной торговли наркотиками, мессенджеров и других программ, позволяющих осуществлять шифрованное взаимодействие, способствует появлению новых форм сбыта наркотических средств.

Растущий транснациональный характер преступности делает невозможной эффективную борьбу с незаконным оборотом наркотических средств без координации усилий заинтересованных государств на международном уровне [2, с. 50]. Важными вехами в международном противодействии трансграничной наркопреступности стали охранительные конвенции ООН, такие как Единая Конвенция 1961 г., Конвенция 1971 г. и Конвенция 1988 г. (далее – охранительные конвенции ООН).

Названные конвенции, помимо материально-правовых норм, определяющих сущностные характеристики уголовно наказуемых деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, содержат и процессуальные положения, регулирующие порядок уголовного преследования и наказания наркоторговцев. Одно из основных мест в данном контексте занимают положения охранительных конвенций ООН, устанавливающие основания определения юрисдикции в отношении лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений, а также порядок их экстрадиции. Необходимость закрепления таких норм в международных дого-

ворах определяется трансграничным характером совершаемых преступлений в области незаконного оборота наркотических средств. Так, если финансирование приобретения наркотических средств было осуществлено в государстве А, сами наркотические средства были приобретены в государстве В, транспортировка производилась через государство С, а их покупка произошла в государстве D, то установление юрисдикции в отношении совершенных преступных деяний становится сложной задачей. Ее решение невозможно без предварительного согласования воли суверенных государств, на территории которых были совершены наркопреступления, в отношении правил определения их юрисдикции.

В международном праве под юрисдикцией понимается система принципов, определяющая компетенцию государств во взаимоотношениях друг с другом [3, с. 15]. Государство может определять сферу действия своего уголовного права, однако такое определение не должно нарушать права других государств. Другими словами, «юрисдикция, которая в принципе принадлежит только государству, ограничивается нормами международного права» [4, с. 24].

Ш. Бассиоуни выделяет следующие основные принципы определения юрисдикции в международном праве, когда преступлением затронуты интересы более чем одного государства:

- территориальный принцип, основанный на месте совершения преступления;
- принцип активного гражданства или национальности, основанный на национальности обвиняемого;
- принцип пассивного гражданства, основанный на национальности потерпевшего;
- принцип защиты, основанный на причинении вреда национальным интересам (и как таковой связанный с принципом пассивной правосубъектности);
- принцип универсальности, основанный на международном характере преступления [5, с. 364].

Территориальный принцип определения юрисдикции подразумевает, что суверенное государство обладает юрисдикцией в отношении всех деяний, совершенных на его территории. В ситуации совершения преступления на территории более чем одного государства строгий территориальный принцип установления юрисдикции может быть расширен за счет принципов субъективной и объективной территориальности.

Принцип субъективной территориальности позволяет государству устанавливать свою юрисдикцию в отношении трансграничного преступления, если хотя бы один из его элементов совершен на его территории. Тем самым государство получает возможность подвергать уголовному преследованию наркоторговцев, осуществляющих преступную деятельность экстерриториально, но совершивших один или более элементов преступления на территории данного государства.

Принцип объективной территориальности применяется в случаях, когда преступное деяние начинается осуществляться на территории одного государства, но его последствия имеют место на территории другого государства.

Принцип активного гражданства (национальности), как и принцип территориальности, основывается на государственном суверенитете и предусматривает защиту граждан государством даже за его пределами. Однако наряду с правом на государственную защиту гражданин имеет корреспондирующую обязанность повиноваться национальным законам, имеющим экстерриториальное действие. В этой связи принцип активного гражданства (национальности) наделяет государство полномочиями устанавливать юрисдикцию в отношении преступления, совершенного его гражданином как внутри страны, так и за ее пределами.

Принцип национальности при установлении юрисдикции в отношении трансграничных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности виновных, которые могли бы ее избежать в случае отсутствия принципа. Так, в законодательстве большинства стран, особенно принадлежащих к континентальной правовой семье, содержится запрет на экстрадицию своих граждан для уголовного преследования в другие государства. В то же время, отказывая в экстрадиции, такие страны, как правило, сами осуществляют уголовное преследование лиц, подозреваемых в совершении преступлений на территории другого государства. При этом обязательным условием привлечения к уголовной ответственности является совершение деяний, признаваемых преступными как в государстве, где они были совершены, так и в государстве, устанавливающем юрисдикцию в соответствии с принципом национальности [6, с. 361].

Принцип пассивного гражданства предполагает осуществление экстратерриториальной юрисдикции государством в отношении подозреваемых в совершении наркопреступлений в случае, когда

потерпевшими являются граждане этого государства. Принцип пассивного гражданства дополняет принцип активного гражданства (национальности). Если принцип активного гражданства обеспечивает, что граждане данного государства, совершившие преступления за рубежом, будут привлечены к ответственности, то принцип пассивного гражданства гарантирует, что безопасность граждан этого государства за рубежом находится под его защитой.

Одним из самых дискуссионных вопросов в контексте рассматриваемой темы является возможность применения принципа универсальности при установлении юрисдикции по преступлениям, связанным с наркотическими средствами. Согласно правилу, сформулированному в деле «Лотуса» и получившему всеобщее признание, возможность осуществления юрисдикции за пределами территории государства не может являться презумпцией и реализуется только на основании обычая или конвенции [7, с. 18]. Тем самым государство не может осуществлять ни предписывающую, ни правоприменительную юрисдикцию в случае отсутствия существенной связи с соответствующими событиями, лицами или интересами.

А. Р. Каюмова отмечает: «Общим является мнение об отсутствии в случае принципа универсальности объективной связи между преступлением и государством юрисдикции, что позволяет выделить универсальную юрисдикцию в качестве самостоятельного вида юрисдикции» [8, с. 15].

Универсальная юрисдикция позволяет любому государству осуществлять юрисдикцию в отношении подозреваемого, независимо от того, где он был задержан, места совершения преступления или его национальности. В то же время возможность применения универсальной юрисдикции при расследовании преступлений, связанных с наркотическими средствами, в настоящее время отрицается большинством авторов. Основная причина заключается в международном статусе рассматриваемых преступлений, не являющихся преступлениями по международному обычному праву. Как отмечает Флэтчер, универсальная юрисдикция могла бы применяться к данным преступлениям, если бы наркоторговцы имели бы такой же статус, как и пираты, т. е. *hostis humanis generis* – враги всего человечества [9, с. 259]. Приобретение статуса преступлений по обычному международному праву позволит любому государству устанавливать юрисдикции в отношении участников незаконного оборота наркотических средств независимо от того, являются ли они участниками Конвенции 1988 г. или нет [10, с. 372].

В условиях многообразия подходов к возможному правовому регулированию вопросов установления и осуществления экстерриториальной юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств возникает вопрос о способах определения юрисдикции в охранительных конвенциях 1961, 1971 и 1988 гг.

Установление и осуществление предписывающей (материальной) и правоприменительной (процессуальной) юрисдикции государствами-участниками Единой конвенции 1961 г. осуществляется на основании ее статьи 36. Обращают на себя внимание различия в формулировках положений, определяющих соотношения норм рассматриваемой статьи и внутригосударственного права государств-участников. Так, в ст. 36(1)(а) указывается, что положения данного пункта применяются сторонами с соблюдением своих конституционных ограничений. Во вводном же параграфе к ст. 36(2) говорится не только о конституционных ограничениях, но и об ограничениях системы права и внутреннего закона.

В силу ст. 36(2)(а)(ii) будут признаваться наказуемыми деяниями, предусмотренными ст. 36(1)(а), также умышленное соучастие в каком-либо из таких преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на совершение какого-либо из таких преступлений, подготовительные действия и финансовые операции в связи с данными преступлениями.

Особенности действия обязательства *aut dedere aut judicare*, сформулированного в ст. 36(2)(а)(iv) Единой конвенции 1961 г., характеризуются следующими признаками. Во-первых, государство, на территории которого задержан подозреваемый, обязано подвергнуть его уголовному преследованию только в случае отказа в экстрадиции государству, где было совершено преступление. При этом в рассматриваемом положении не указывается основания отказа, что позволяет сделать заключение о возможности отказа в выдаче государством-участником по любому основанию. В то же время произвольный отказ в экстрадиции лиц, подозреваемых в совершении деяний, предусмотренных ст. 36(1)(а), был бы нарушением рассматриваемых положений Единой конвенции 1961 г. Так, в соответствии со ст. 36(2)(а)(iv) отказ в выдаче допустим, если только он противоречит внутреннему праву государства, к которому обращена соответствующая просьба. Во-вторых, рассматриваемое положение фактически отдает приоритет принципу национальности при установлении субсидиарной юрисдикции, поскольку наиболее распространенной причиной отказа в выдаче является конституционный запрет в экстрадиции своих граждан. В частности, согласно ст. 13 УК РФ, граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству. Другой причиной отказа может быть отсутствие договора об экстрадиции между запрашивающим и запрашиваемым государствами, в то время как внутреннее право последнего требует наличие такого договора.

Буквальное толкование положений ст. 36(2)(а)(iv) не позволяет распространить их действие на следующие случаи:

– если запрос об экстрадиции обращен к государству, не подписавшему Единую конвенцию 1961 г.;

– если запрашиваемое государство отказывает в экстрадиции, хотя такая экстрадиция соответствует нормам внутреннего права;

– если внутреннее право государства, на территории которого задержан подозреваемый – гражданин этого государства, запрещает экстрадицию своих граждан.

Однако исключение названных случаев из сферы действия данных положений не соответствовало бы их предмету и целям. В этой связи указанные положения скорее направлены на освобождение государств-участников от обязанности подвергать уголовному преследованию торговцев наркотиками только при условии их экстрадиции в государства, которые будут согласны осуществить такое преследование и фактически исполнят экстрадицию.

В связи с широким распространением психотропных веществ и направленностью Единой конвенции 1961 г. на противодействие незаконному обороту только наркотических средств была принята Конвенция о психотропных веществах 1971 г. (далее – Конвенция 1971 г.).

В соответствии со ст. 22(2)(а)(iv) серьезные правонарушения, совершенные либо гражданами данной страны, либо иностранцами, преследуются Стороной, на территории которой совершено данное правонарушение, или Стороной, на территории которой обнаружен правонарушитель, если выдача недопустима по законам Стороны, к которой обращена соответствующая просьба, и если этот правонарушитель еще не подвергся судебному преследованию и приговор по его делу еще не выносился.

Исполнение положений рассматриваемой статьи ограничивается действием защитительной оговорки, сформулированной в вводной части статьи. Согласно защитительной оговорке государства-участники не обязаны расследовать преступления в сфере незаконного оборота психотропных веществ, если они не являются серьезными и внутреннее право государств-участников не предусматривает расширения экстерриториальной юрисдикции. При этом государства-участники не могут ссылаться на защитительную оговорку как основание от освобождения от названного обязательства в случае, если преступление является серьезным и государство-участник расширяет экстерриториальную юрисдикцию за аналогичные по серьезности преступления.

Рассматриваемое положение обязывает государства-участники устанавливать и осуществлять юрисдикцию в отношении своих граждан и иностранцев, совершивших серьезные преступления на их территории. Статья не содержит определения, какие преступления являются серьезными, но подразумевается, что у государств-участников отсутствует обязательство расследования преступлений, не относящихся к категории серьезных.

Согласно рассматриваемому обязательству, государство-участник должно или задержать подозреваемого на своей территории, или обеспечить

его экстрадицию в другое государство. Исходя из телеологического толкования нормы, государство-участник обязано добиваться экстрадиции во всех случаях, когда подозреваемый не был подвергнут уголовному преследованию, осуждению, наказанию или применению мер медицинского характера.

В середине 1980-х гг. растущая обеспокоенность в отношении международного незаконного оборота наркотических средств привела к переговорам о разработке нового международного договора. Международное сообщество признало, что незаконный оборот наркотических средств перешагнул национальную юрисдикцию, что требовало усиления сотрудничества между странами [11, с. 25]. В этой связи Конвенция 1988 г. традиционно рассматривается как один из самых детализированных и эффективных инструментов международного уголовного права.

Согласно ст. 4(1)(а) Конвенции 1988 г., государства-участники обязаны устанавливать юрисдикцию в отношении преступлений, предусмотренных ст. 3(1), совершенных на их территории и на борту судна, несущего их флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с их законами. Тем самым данное положение об установлении юрисдикции основывается на принципе территориальности и распространения юрисдикции на суда и самолеты государств-участников.

В отличие от ст. 6 Конвенции 1988 г., где говорится об осуществлении юрисдикции при расследовании и экстрадиции, рассматриваемое положение обязывает государства-участники только установить свою юрисдикцию. В ходе обсуждения данного положения на Конференции 1988 г. представители государств-участников в своем большинстве поддержали точку зрения об указании во вводной части только обязательства по установлению, а не осуществлению юрисдикции. Так, представитель Болгарии настоятельно рекомендовал указать во вводной формулировке только на обязанность установления юрисдикции, подчеркивая, что это является основополагающим вопросом, решение которого влечет осуществление ряда других действий [12, с. 208].

Распространение юрисдикции на морские и воздушные суда государств-участников осуществляется на основании принципа квазитерриториальности. Согласно ст. 91 Конвенции ООН по морскому праву, суда имеют национальность того государства, под флагом которого они имеют право плавать. В соответствии со ст. 17 Конвенции ООН о международной гражданской авиации воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы.

Указанный способ расширения юрисдикции является *sui generis* формой юрисдикции, аналогичной территориальной юрисдикции. Ряд охранительных конвенций, включая Конвенцию 1988 г., наделяет названные общие обязательства специфическим содержанием, обязывая государства-участники устанавливать юрисдикцию в от-

ношении определенных категорий преступлений, совершенных на их морских и воздушных судах. Особенностью Конвенции 1988 г. является установление юрисдикции в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ не тем государством, в котором зарегистрировано морское судно, а государством, чей флаг морское судно несет.

Установление юрисдикции в соответствии со ст. 4(1)(b)(i) происходит на основании принципа активного гражданства (национальности). Особенно большое значение данный принцип имеет в странах с континентальной системой права, в отличие от стран общего права, отдающих приоритет принципу территориальности. О значимости принципа национальности для стран с континентальной системой права свидетельствует тот факт, что они по общему правилу отказывают в экстрадиции своих граждан.

Согласно ст. 4(1)(b)(ii) Конвенции 1988 г. государства-участники имеют право осуществлять свою юрисдикцию в рамках положений ст. 17, регулирующей правовое сотрудничество государств-участников в ходе пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ на море. В соответствии со ст. 17(3) Конвенции 1988 г. Сторона, имеющая разумные основания подозревать, что судно, осуществляющее свободу судоходства в открытом море, участвует в незаконном обороте, может просить разрешения государства флага принять надлежащие действия в отношении этого судна. Государство флага в случае указанных обстоятельств, а также при наличии договоров, соглашений и иных договоренностей может разрешить запрашивающему государству на основании ст. 17(4) высаживаться на это судно, производить его досмотр и в случае обнаружения доказательств участия в незаконном обороте принимать надлежащие меры в отношении этого судна, лиц и груза на борту.

Необходимо заметить, что ст. 4(1)(b)(ii) Конвенции 1988 г. расширяет потенциальную юрисдикцию государств-участников на любую часть открытого моря, а не только территориального моря, по сравнению с положениями Конвенции ООН по морскому праву. Так, согласно ст. 27(1)(d) последней конвенции уголовная юрисдикция прибрежного государства не должна осуществляться на борту иностранного судна, проходящего через территориальное море, для ареста какого-либо лица или производства расследования в связи с любым преступлением, совершенным на борту судна во время его прохода, за исключением следующих случаев: ... d) если такие меры необходимы для пресечения незаконной торговли наркотическими средствами или психотропными веществами.

Положения ст. 4(1)(b)(iii) направлены на предоставление возможности установления юрисдикции в отношении деяний, совершенных на территории других государств-участников и представляющих собой неоконченные преступления или являющихся различными формами соучастия.

Тем самым ст. 4(1)(b)(iii) позволяет государству-участнику производить расширение юрисдикции в вышеуказанных случаях, когда эти деяния осуществляются с намерением совершить преступления, предусмотренные ст. 3(1), на территории этого государства-участника. Установление такой юрисдикции с доктринальной точки зрения происходит на основании принципа объективной территориальности или «принципа последствий» (effect principle).

Положения ст. 4(1)(b)(iii) Конвенции 1988 г. позволяют устанавливать государствам-участникам экстерриториальную юрисдикцию в отношении неоконченных или совершенных в соучастии преступлений, когда они были направлены (имелось намерение) на осуществление деяний в границах их территории.

В соответствии со ст. 4(2)(а) государство-участник должно установить юрисдикцию в отношении правонарушений, предусмотренных ст. 3(1), когда предполагаемый правонарушитель находится на его территории, если оно отказало в его экстрадиции или сделало бы так, если бы запрос был сделан.

Нормы ст. 4(2)(а), взятые в системе с нормами ст. 6(9), составляют содержание обязательства *aut dedere aut judicare*, на основании которого устанавливается юрисдикция. Однако в отличие от других охранительных конвенций, в которых применяется универсальная юрисдикция при отказе в экстрадиции, рассматриваемое положение ограничивает применение обязательства *aut dedere aut judicare* двумя случаями. Во-первых, при отказе в экстрадиции указанное обязательство применяется, когда преступление совершено на территории государства-участника или на борту судна, несущего его флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с его законодательством в момент совершения преступления. Во-вторых, установление юрисдикции в соответствии с рассматриваемым обязательством должно производиться, если подозреваемый является гражданином государства-участника, отказавшего в его экстрадиции. В иных случаях отказ от выдачи подозреваемого не ведет к обязательному установлению юрисдикции государством-участником и проведению им расследования.

Положения ст. 4(2)(а)(i), обязывающие государства-участники устанавливать юрисдикцию на основании нахождения подозреваемого на их территории и при отказе в его экстрадиции, так как преступление было совершено на их территории (включая морские и воздушные суда), фактически воспроизводят положения ст. 4(1)(а) об установлении юрисдикции на основании принципа территориальности (включая морские и воздушные суда). При этом нормы ст. 4(1)(а) имеют более широкий характер, так как не требуют для своего применения ни отказа в экстрадиции, ни присутствия подозреваемого на соответствующей территории. Однако такого совпадения норм удастся избежать, если воспользоваться их системным толковани-

ем, предложенным делегацией Нидерландов на Конференции 1988 г. Согласно данному толкованию положения ст. 4(2)(а)(i) содержат основания установления юрисдикции, в то время как положения ст. 4(1)(а) указывают на основания отказа в экстрадиции, т. е. в результате осуществления уже установленной юрисдикции [13, с. 142]. В свою очередь, ст. 4(2)(а)(ii) обязывает стороны устанавливать юрисдикцию в отношении своих граждан при отказе в их экстрадиции по признаку гражданства, тогда как ст. 4(1)(b) придает установлению такой юрисдикции факультативный характер.

Положениями ст. 4(2)(b) предусмотрено факультативное установление юрисдикции государством-участником в случае, когда подозреваемый задержан на его территории и оно отказывается его экстрадировать по каким-либо причинам. Данные причины должны отличаться от тех, которые перечислены в ст. 4(2)(а) Конвенции 1988 г. Например, они могут включать ситуацию, когда подозреваемый может подвергнуться смертной казни или более суровому наказанию в запрашивающей стране, чем в запрашиваемой. Другими причинами могут быть опасения запрашиваемой страны, что подозреваемый после экстрадиции не будет фактически подвергнут уголовному преследованию или будет подвергнут слишком мягкому наказанию.

Рассмотрение вопросов установления экстерриториальной юрисдикции в охранительных конвенциях ООН в сфере незаконного оборота наркотических средств позволяет сделать следующие выводы.

1. Положения Конвенции 1961 г. предусматривают установление юрисдикции прежде всего на основании принципа территориальности, позволяя в ограниченном числе случаев руководствоваться принципом субсидиарной универсальности. При этом установление юрисдикции на основании принципа субсидиарной универсальности обуславливается возможностью применения защитительной оговорки. Рекомендательный характер юрисдикционных норм Конвенции 1961 г. не способствовал повышению эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

2. Основное достижение Конвенции 1971 г. заключается в расширении сферы правового регулирования за счет включения психотропных веществ. Однако нормы, посвященные установлению и осуществлению юрисдикции, претерпели мало изменений по сравнению с Конвенцией 1961 г. и опираются на принцип территориальности. Расширение территориальной юрисдикции возможно на основании обязательства *aut dedere aut judicare*, применяющегося с учетом конституционных ограничений, особенностей правовой системы и основных правовых принципов государств-участников.

3. Правовое регулирование вопросов установления и осуществления юрисдикции получило свое развитие в Конвенции 1988 г. Государства-участники получили возможность устанавливать

юрисдикцию в отношении преступлений: 1) совершенных их гражданами или лицами, постоянно проживающими на их территории; 2) совершенных на борту судна за пределами территориального моря; 3) являющихся сговором за пределами их территорий с целью осуществления преступных деяний на их территории. В то же время Конвенция 1988 г., признавая различные концептуальные ос-

нования для установления юрисдикции, не содержит норм, предусматривающих способ разрешения конфликта юрисдикций. В Конвенции 1988 г. не нашли своего разрешения два конфликтующих подхода стран континентального и общего права в отношении применения обязательства *aut dedere aut judicare* при установлении экстерриториальной юрисдикции.

Библиографический список

1. World Drug Report 2023, UNODC. URL: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf (дата обращения 23.12.2024).
2. Boister N. *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 352 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=fUMaMxLpmpAC&hl=ru>.
3. Mann F. *The Doctrine of Jurisdiction in International Law* // The Hague Academy Collected Courses Online. 1964. Vol. III. P. 1–162. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789028614826.001-162>.
4. Advisory Opinion No. 4, *Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco*, 4, Permanent Court of International Justice, 7 February 1923. URL: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (дата обращения 23.12.2024).
5. Bassiouni M. *International extradition: United States law and practice*. Oxford: Oxford University Press, Sixth edition, 1328 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=U0CeAgAAQBAJ&hl=ru>.
6. Kenneth S. Gallant. *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford: Oxford University Press, 2021. 808 p.
7. Permanent Court of International Justice *SS Lotus (France v Turkey)* // PCIJ. Ser A. No. 10 (1927). P. 17–18. URL: <https://opencasebook.org/casebooks/6083-federal-criminal-law/resources/1.2.2-case-of-the-ss-lotus-france-v-turkey-pcij-1927>.
8. Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2016, 21 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-yurisdiksiya-v-mezhdunarodnom-prave-voprosy-teorii-i-praktiki/read>.
9. Fletcher A. *Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial* // Virginia Journal of International Law. 1991. Vol. 32, issue 1. P. 233–264. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/pirates-and-smugglers-analysis-use-abductions-bring-drug>.
10. Geraghty H. *Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems* // Florida Journal of International Law. 2004. Vol. 16, issue 2. Article 4. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol16/iss2/4>.
11. *Research Handbook on International Drug Policy*. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. UK: Edward Elgar Publishing, 2020. 424 p. URL: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-international-drug-policy-9781788117050.html>.
12. Конференция Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Официальные отчеты. Т. 2. 415 с. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf.
13. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November – 20 December 1988. Official Records. Vol. II. 353 p. URL: <https://www.un.org/en/conferences/drug/vienna1988>.

References

1. World Drug Report 2023, UNODC. Available at: https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_DP.pdf. (accessed 23.12.2024).
2. Boister N. *An Introduction to Transnational Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press, 2012, 352 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=fUMaMxLpmpAC&hl=ru>.
3. Mann F. *The Doctrine of Jurisdiction in International Law* // The Hague Academy Collected Courses Online, 1964. Vol. III. P. 1–162. DOI: <https://doi.org/10.1163/ej.9789028614826.001-162>.
4. Advisory Opinion No. 4, *Nationality Decrees Issued in Tunis and Morocco*, 4, Permanent Court of International Justice, 7 February 1923. Available at: <https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/pcij/1923/en/20991> (accessed 23.12.2024).
5. Bassiouni M. *International extradition: United States law and practice*. Oxford: Oxford University Press, Sixth edition, 1328 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=U0CeAgAAQBAJ&hl=ru>.

6. Kenneth S. Gallant. *International Criminal Jurisdiction: Whose Law Must We Obey?* Oxford: Oxford University Press, 2021, 808 p.
7. Permanent Court of International Justice *SS Lotus (France v Turkey)*. PCIJ, Ser A, No. 10 (1927), pp. 17–18. Available at: <https://opencasebook.org/casebooks/6083-federal-criminal-law/resources/1.2.2-case-of-the-ss-lotus-france-v-turkey-pcij-1927>.
8. Kayumova A. R. *Ugolovnaya yurisdiksiya v mezhdunarodnom prave: voprosy teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal jurisdiction in the international law: issues of theory and practice: author's abstract of Doctoral of Law's thesis]. Kazan, 2016, 21 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-yurisdiksiya-v-mezhdunarodnom-prave-voprosy-teorii-i-praktiki/read> [in Russian].
9. Fletcher A. Pirates and Smugglers: An Analysis of the Use of Abductions to Bring Drug Traffickers to Trial. *Virginia Journal of International Law*, 1991, vol. 32, issue 1, pp. 233–264. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/pirates-and-smugglers-analysis-use-abductions-bring-drug>.
10. Geraghty H. Universal Jurisdiction and Drug Trafficking: A Tool for Fighting One of the World's Most Pervasive Problems. *Florida Journal of International Law*, 2004, vol. 16, issue 2, Article 4. URL: <https://scholarship.law.ufl.edu/fjil/vol16/iss2/4>.
11. Research Handbook on International Drug Policy. Edited by David R. Bewely-Taylor, Khalid Tinasti. UK: Edward Elgar Publishing, 2020, 424 p. Available at: <https://www.e-elgar.com/shop/gbp/research-handbook-on-international-drug-policy-9781788117050.html>.
12. *Konferentsiya Organizatsii Ob»edinennykh Natsii dlya prinyatiya Konventsii o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv. Ofitsial'nye otchety* [Conference of the United Nations Organization for the Adoption of the Convention on the Fight Against the Illegal Circulation of Narcotic Drugs and Psychedelic Substances. Official Reports]. Vol. 2, 415 p. Available at: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf [in Russian].
13. United Nations Conference for the Adoption of a Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. Vienna, 25 November – 20 December 1988. Official Records, Vol. II, 353 p. Available at: <https://www.un.org/en/conferences/drug/vienna1988>.